

СКАЗКИ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

Летней ночью, в саду, в темном шалаше, сквозь дырявую крышу которого видны звезды.

Яков лежит в глубине шалаша, мы сидим и курим на скамейке у входа.

- Ну, расскажи еще что-нибудь, Яков Демидыч. Ты не спишь еще?

- Спать не сплю, а маленько подремываю. Уж дюже ночь хороша, тепло. Да и поздно небось. Какой теперь часто? Боле двенадцати, пожалуй, наберется.

- Что ты, девять только что било.

- Где било?

- Караульщик на церкви бил.

- А по чем этот караульщик может время знать?

- Как по чем? По часам, конечно.

- Ну, энто не часы. В них мух сухих много. Я эти часы видел, был у него в караулке. Он их потянет за цепочку - они прямо роем оттуда сыплются. А что ж вам еще рассказать? Сказку какую-нибудь? Али событие?

- Что хочешь. Мы и сказки твои любим.

- Это правда, я их хорошо выдумываю.

- Да разве ты их сам выдумываешь?

- А кто же? Я хоть и чужое говорю, а выходит, все равно, что выдумываю.

- Это как же так?

- А так. Раз я эту сказку рассказываю, значит, я свое говорю.

- Это очень интересно, то, что ты сейчас сказал.

- Конечно, интересно. Мои сказки интересные. Только и события бывают хорошие. С одним попом, к примеру сказать, такое событие вышло. Было так-то, не хуже нашего, село с плохим приходом, и никогда, значит, священники эти там не жили, потому как не могли себя обрабатывать, а жил один поп в большом селе в трех верстах от этого, один, стало быть, на два села: раннюю обедню, положим тут служит, а позднюю едет туда служить. Один и потребности все справлял - и похороны, и причастие. А поп этот грешный был, пьяный, сквернослов, ни одной бабы видеть не мог - так и лезет на исповеди. И опять же жадный: дадут ему, скажем, пяток яиц, так нет - подавай десяток. И вот, случись так, сидит он раз в доме у себя, а уж ночь! поздно, дело осеннее и дождь ужасный. Месяц хоть примеркал, а все-таки видно в окна. Вот он и видит - подъезжает черный скрытный фазтон к дому, вроде карета барская. Слезает, обыкновенным манером, кучер с этой кареты, стучит в двери, входит. Понятно, мокрый весь, глаза блестят, в башлыке. Говорит: "Скорее, батюшка, - едем, княгиня помирает". Стал ему священник грубо отвечать: "Куда тебя, мол, такой-сякой, в такую погоду принесло? Не хочу ехать!" Ну, однако, уговорила его попадья, согласился. Сели, поехали. Лошади несут, аж грязь отскакивает. Сидит священник в карете, и стала его совесть мучить, хочется ему оправдаться перед кучером, за что, мол, я ругал его так, - бывает, опять выпивши был, ну а пьяный, известно, всегда каяться любит. Отворил он дверцу, задрал ему ветер волосы назад, сечет дождем в лицо, а он кричит: "Прости меня, кучер, я, мол, человек грешный, горячий!" Молчит кучер. Он опять кричит - опять кучер безо всякого внимания, не оборачивается даже. Взяла попа жуть, глянул он так-то в поле и видит, идет к нему навстречу полная солидная дама, самая эта, значит, мертвая княгиня, Ахнул он, схватился за святые дары. "Господи!" - говорит. И только сказал - нет тебе ничего, ни кучера, ни кареты, а сидит он в поле на камне верхом, на коленях скуфью свою держит... Темь, ночь, дождь так и парит...

- Ну, и что же потом с этим священником было?

- А то и было, что пришли на ране мужики и сняли его, чуть живого, с этого камня...

Молчание, Тихо, темно, звезды. Как земляника, краснеют огоньки наших папирос.

- Так. Это, значит, событие. Ну, а сказку не расскажешь?

- А сказку вам можно рассказать такую, про мужичка Чувиля и про Бабу-Ягу. Жил, значит, мужичок Чувиль, и был у него садишка за избой, а в садишке яблоня, а на яблоне этой возьми да и вырасти золотое яблочко. Ну, конечно, сошел Чувиль с ума от такой радости, стережет его пуще зеницы ока, все не рвет, надеется, что оно еще маленько подрастет, день и ночь в саду сидит. Только раз сидит